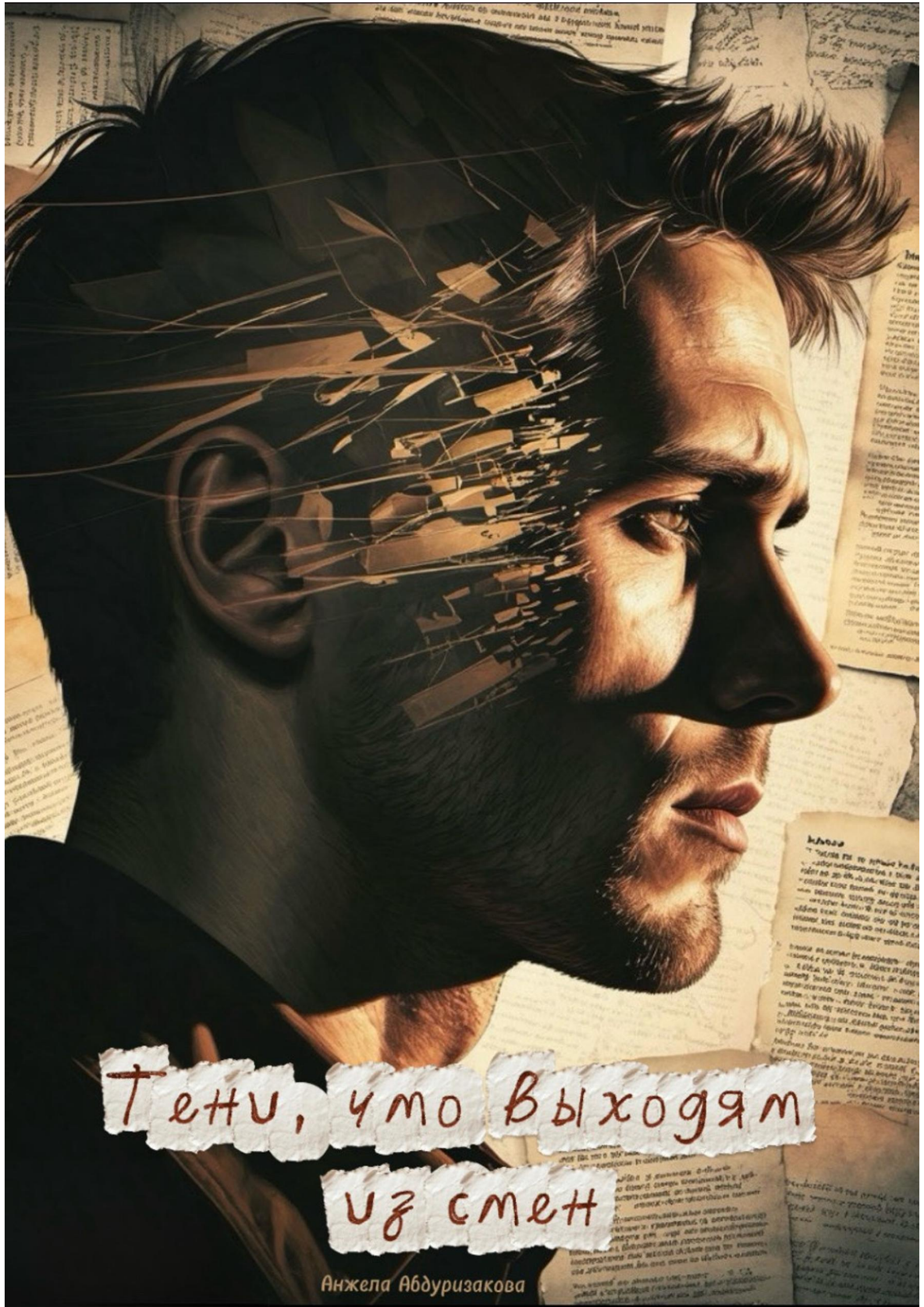

Теню, что выходям
из стеш

Анжела Абдуризакова

Анжела Абдуризакова

Тени, что выходят из стен

«Автор»

2026

Абдуризакова А.

Тени, что выходят из стен / А. Абдуризакова — «Автор», 2026

В тихом городке Линдхайм архивист Маркус Хольцер сталкивается с тайной, уходящей корнями в прошлое: старые фотопластинки Августа Вольфа не просто запечатлевают людей — они похищают их свет, их суть, превращая в тени на стенах. Пытаясь разорвать проклятие, Маркус сжигает негативы, прячет свою пластинку в подвале, но лишь глубже увязает в ловушке. Лишь откровенный разговор с Линой, пережившей похожую трагедию, помогает ему понять: нельзя победить тьму силой, можно лишь не дать ей поглотить себя. Освободившись от страха, Маркус учится снова замечать простые радости — запах старых бумаг, звук гитарных струн, игру света на брусчатке. Теперь тени для него — не угроза, а часть дня. История о том, как человек возвращает себе право быть живым, даже если часть его навсегда осталась в прошлом.

© Абдуризакова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АРХИВ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анжела Абдуризакова

Тени, что выходят из стен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АРХИВ

Глава 1. Назначение

Город Линдхайм лежал в долине между двумя невысокими грядами холмов, покрытых буковым лесом. Город был старый, но не древний. Его основали в четырнадцатом веке, когда торговцы из южных земель проложили через долину дорогу к реке Моль, по которой сплавляли лес и руду. С тех пор Линдхайм рос медленно, как дерево, добавляя по улице в столетие, по кварталу в век. К началу двадцать первого века в нём жило около сорока тысяч человек, и он не был ни красив, ни уродлив. Он был серым, как камень, из которого строили его дома, и тихим, как река, на которой он стоял.

Архив Линдхайма располагался в здании бывшего монастыря на холме к северу от старого города. Монастырь был основан в пятнадцатом веке орденом, который давно исчез из этих мест, а его братья были либо рассеяны, либо мертвы. Здание перешло городу в восемнадцатом веке и с тех пор использовалось для хранения документов: церковных записей, судебных актов, нотариальных бумаг, земельных реестров. В девятнадцатом веке к нему пристроили два крыла, и архив разросся, заполнив все помещения от подвала до чердака.

Архив не был известен. Он не фигурировал в путеводителях, не привлекал исследователей, не публиковался. Он существовал тихо, как все архивы, и его сотрудники были людьми, которых устраивала тишина. В большинстве своём это были женщины средних лет, с кожаными перчатками на руках и очками на носу, которые знали каждый каталог, каждую полку, каждый ящик, но никогда не говорили об этом с посторонними.

Маркус Хольцер получил назначение в архив Линдхайма в начале ноября две тысячи двадцать третьего года. Ему было двадцать восемь лет, он был худой, высокий, с тёмными волосами, которые всегда были чуть длиннее, чем следовало, и бледной кожей, которая не загорала даже летом. Он носил очки в тонкой металлической оправе, которые делали его лицо строже, чем оно было на самом деле. У него была привычка смотреть в сторону, когда он говорил, будто мысль шла не от собеседника, а от чего-то, что он видел сбоку, за краем зрения.

Маркус приехал в Линдхайм из Вены, где работал в Городском архиве три года. Работа в Вене была хорошая, но бесперспективная: младший архивист, без связей, без покровителей, без публикаций. Его начальник, пожилая женщина по имени Хельга, которая держала архив, как собственную кухню, однажды сказала ему, что он слишком много задаёт вопросов и слишком мало отвечает на те, которые ему задают. Маркус не стал спорить. Он знал, что она права. Он задавал вопросы, потому что ему было интересно. Он отвечал мало, потому что ответы казались ему менее важными, чем сами вопросы.

Когда он увидел объявление о вакансии в архиве Линдхайма, он откликнулся не раздумывая. Маленький город, маленький архив, мало людей, много документов. Идеально. Он хотел тишины, и тишина была тем, что архив мог предложить в избытке.

Переезд занял неделю. Маркус снял квартиру на Кройцгассе, узкой улице, которая вела от старого города к холму с архивом. Квартира была на третьем этаже, с двумя комнатами, кухней и окном, выходившим во двор. Двор был маленький, мощёный булыжником, с одним деревом, голым в это время года. Квартира пахла старым деревом и штукатуркой. Маркус не

стал ничего менять. Он поставил свои книги на полку, повесил пальто на крючок у двери и лёг на кровать, глядя в потолок, на котором была трещина, похожая на реку на карте.

Первый день в архиве был обычным. Директор, седой мужчина по имени Альберт Реннер, встретил его в холле, провёл по зданию, показал читальный зал, хранилища, каталоги. Реннер говорил медленно, с южным акцентом, и казался человеком, который давно устал от всего, но не нашёл повода, чтобы остановиться. Он показал Маркусу его рабочее место: маленький кабинет в восточном крыле, с окном, выходившим на лес. Стол, стул, компьютер, лампа. Всё просто, всё функционально.

Ваша задача, сказал Реннер, описать и каталогизировать фонды, которые не были обработаны. Есть несколько коробок и ящиков, которые поступили в архив давно, но так и не были разобраны. Они лежат в подвале. Спуститесь, посмотрите. Если будут вопросы, обращайтесь.

Маркус кивнул. Реннер ушёл, и Маркус остался один в своём кабинете. Он посидел минуту, глядя в окно. Лес был серый, голый, ноябрьский. Небо было низкое. Где-то в лесу каркнула ворона, и звук был ровный и пустой, как звон в пустом колоколе.

Маркус встал и пошёл в подвал.

Глава 2. Подвал

Подвал архива был не похож на обычный подвал. Он был глубокий, в три уровня, вырубленный в камне холма, на котором стояло здание. Верхний уровень использовался для хранения документов, которые нуждались в прохладе: пергаментные грамоты, старые карты, кожаные переплёты. Средний уровень был заполнен ящиками и коробками, которые не были каталогизированы. Нижний уровень был закрыт. На его двери висел замок, а ключ от замка, по словам Реннера, был утерян много лет назад.

Маркус начал со среднего уровня. Лестница вниз была каменная, стёртая посередине от тысяч шагов, которые прошли по ней за столетия. Стены были сырые, покрытые белым налётом, который мог быть плесенью, а мог быть минеральной солью, выступившей из камня. Свет был тусклый, от ламп, которые горели не все. Маркус щёлкал выключателями, идя по коридору, и свет загорался впереди, а позади гас. Будто подвал экономил электричество для того, кто шёл сейчас, и забывал о том, кто уже прошёл.

Коробки стояли вдоль стен, на полках и на полу. Они были картонные, деревянные, металлические. Некоторые были помечены этикетками с датами и номерами, другие не имели никаких пометок. Маркус ходил между рядами, заглядывал в ящики, делал заметки. Он находил старые судебные дела, налоговые записи, метрические книги, церковные реестры. Всё это было пыльное, пожелтевшее, но в хорошем состоянии. Сухой воздух подвала сохранял бумагу лучше любого сейфа.

Он работал до вечера, описывая содержимое ящиков, занося данные в компьютер, расставляя коробки по порядку. Работа была монотонная, но ему нравилась. Он любил порядок, любил, когда вещи находят своё место. Каждый ящик, который он описывал и ставил на полку, был как слово, вставленное в правильное предложение. Постепенно хаос превращался в систему, и это было приятно.

На третий день он наткнулся на коробку, которая отличалась от остальных. Она была деревянная, тяжёлая, с медовыми ручками по бокам. Дерево было тёмное, почти чёрное, от времени или от лака. Крышка была закрыта на два медных замка, которые не были заперты, но были тугими, будто их давно не открывали.

Маркус поставил коробку на стол, под лампу, и попробовал открыть замки. Они поддались со скрипом, и крышка откинулась. Внутри, в бумажных конвертах, лежали негативы. Стекланные пластинки, каждая размером с ладонь, завернутые в тонкую бумагу. Их было не меньше сотни.

Маркус осторожно достал первую пластинку, развернул и поднял к свету. На матовом стекле был негатив фотографии: мужчина в тёмном костюме, стоящий у стены с узором обоев. Мужчина был молодой, лет тридцати, с усами, с прямым взглядом, обращённым прямо в объектив. Фотография была чёткая, хорошо скомпонованная. Профессиональная работа.

На конверте, из которого он достал пластинку, было написано от руки тушью: «Хофман, 1903. Студия Вольф, Линдхайм».

Маркус достал вторую пластинку. Тот же мужчина, та же поза, та же стена. Но на этой пластинке он был чуть темнее. Не в смысле освещения, а в смысле плотности. Силуэт был гуще, тени глубже, будто фотография забрала у него чуть больше света, чем в первый раз.

Третья пластинка. Тот же мужчина. Ещё темнее. Лицо уже не так отчётливо. Глаза видны, но вокруг них тень, будто его лицо постепенно погружалось в воду.

Четвёртая. Мужчина едва различим. Силуэт, контур, тёмное пятно на фоне светлой стены. Усы ещё видны, но лицо уже не лицо, а маска из тени.

Пятая. Только контур. Тёмный силуэт, почти слившийся со стеной. Человека почти нет. Есть стена, есть обои, есть узор, и есть тень, которая когда-то была человеком.

Маркус положил пластинку на стол и откинулся назад. Он смотрел на пять негативов, разложенных перед ним, и думал. Это могла быть техническая ошибка. Плохая выдержка, неправильная экспозиция, испорченная химия. Но пять последовательных пластинок, на которых один и тот же человек постепенно исчезает? Это не выглядело как ошибка. Это выглядело как процесс.

Он достал шестую пластинку. Она была пустой. Только стена. Только обои с узором. Ни силуэта, ни тени. Чистый негатив, на котором не было ничего, кроме фона.

Маркус почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не страх, а любопытство, смешанное с чем-то, чему он не мог дать имя. Ощущение, что он смотрит на что-то, чего не должен был видеть.

Он вернулся к коробке. Внутри было ещё не меньше девяноста пластинок, в конвертах, с надписями. Он просмотрел несколько. Другие имена, другие люди, но тот же процесс. Каждая серия: человек на первой пластинке, человек чуть темнее на второй, силуэт на третьей, тень на четвёртой, пустота на пятой. Иногда серия была длиннее, иногда короче, но результат всегда был один: человек исчезал.

В нижней части коробки, под пластинками, лежала тетрадь. Тонкая, в кожаной обложке, с исписанными страницами. Маркус открыл её. Почерк был мелкий, аккуратный, с наклоном влево. Текст был на немецком, но с архаичными оборотами и сокращениями, которые Маркус не сразу разобрал.

Первая запись: «1 марта 1903 года. Сеанс с Герром Хофманом. Первая пластинка. Результат удовлетворительный. Свет хороший, выдержка четыре секунды. Герр Хофман доволен».

Вторая: «8 марта. Вторая пластинка с Герром Хофманом. Он говорит, что плохо спал. Я вижу, что он бледнее. Пластинка темнее, чем первая. Не понимаю, почему. Техника та же, свет тот же. Может быть, пластинка бракованная».

Третья: «15 марта. Третья пластинка. Герр Хофман выглядит уставшим. Его жена говорит, что он похудел. На пластинке он почти не виден. Я думаю, это проблема с эмульсией. Заказал новые пластинки у поставщика из Граца».

Четвёртая: «22 марта. Герр Хофман не пришёл. Его жена пришла вместо него и сказала, что он болен. Врач не знает, что с ним. Он слабеет, бледнеет, теряет вес, но признаков болезни нет. Анализы нормальные. Я посмотрел на четвёртую пластинку, которую сделал на прошлой неделе. На ней его почти нет. Только тень. Я не понимаю, что происходит, но мне страшно».

Пятая: «29 марта. Герр Хофман умер. Вчера, во сне. Врач сказал, что сердце остановилось. Ему было тридцать два года. Я посмотрел на последнюю пластинку, которую сделал с ним. Она пустая. Только стена. Только обои. Я не могу перестать думать о том, что это я сде-

лал. Что моя камера забрала у него что-то. Свет. Жизнь. Не знаю. Но я больше не хочу фотографировать людей».

Маркус закрыл тетрадь. Руки были холодные. Не от подвала, а от чего-то другого. Он сидел в тусклом свете лампы, окружённый коробками и ящиками, и думал о том, что держал в руках не просто старые фотографии, а что-то, что documenting процесс, который он не мог объяснить.

Он должен был показать это Реннеру. Он должен был сказать: смотрите, что я нашёл, это странно, это пугающе, давайте разберёмся. Но он не стал. Он не знал почему. Может быть, потому что wanted понять сначала сам. Может быть, потому что чувствовал, что это не то, что нужно показывать. Это было то, что нужно было держать при себе.

Он забрал коробку и тетрадь в свой кабинет. Поставил коробку под стол, тетрадь положил в ящик стола, закрыл его на ключ. Потом выключил свет и вышел из архива. Был поздний вечер, ноябрьский, тёмный. Холм был пустой, лес был чёрный, небо было чёрное. Где-то далеко, в городе, горели окна. А здесь, на холме, было темно и тихо.

Маркус шёл домой по Кройцгассе и думал о Герре Хофмане, который умер в тридцать два года, после пяти фотографий. О человеке, который постепенно исчезал на пластинках, будто камера вытягивала из него свет. О тетради, в которой кто-то писал сто двадцать лет назад, что боится. Что не хочет больше фотографировать. Что чувствует себя виноватым.

И ещё он думал о том, что тетрадь была тонкая. В ней было не больше двадцати страниц. Но записей в ней было больше, чем на двадцати страницах. Маркус не сразу это заметил, но когда закрывал тетрадь, то почувствовал, что страницы под пальцами были плотнее, чем должны были быть. Будто между страницами было что-то ещё. Что-то, что он не видел, но что было там.

Глава 3. Студия Вольф

Маркус провёл следующие дни, разбирая остальные коробки в подвале. Но каждый вечер, когда архив пустел и сотрудники расходились, он возвращался в свой кабинет, доставал коробку с негативами и тетрадь, и работал с ними.

Он начал с того, что аккуратно очистил стеклянные пластинки от пыли и грязи. Потом разложил их на столе, по сериям, по именам. Он насчитал двенадцать серий. Двенадцать разных людей, каждый с серией от четырёх до семи пластинок, на которых один и тот же процесс: человек, потемнение, силуэт, тень, пустота.

Имена на конвертах были разные. Хофман. Беккер. Ланг. Шмидт. Вебер. Краус. Мюллер. Циннер. Грайн. Фогель. Хартман. Бруннер. Все были датированы между 1903 и 1907 годами. Все были сделаны в «Студии Вольф, Линдхайм».

Маркус начал искать информацию о студии Вольф. В каталогах архива он нашёл несколько упоминаний. Линдхаймская городская газета «Mölker Zeitung» за 1902 год содержала рекламное объявление: «Фотографическая студия Вольф. Портреты, групповые снимки, репродукции. Хофгассе, 14. Линдхайм». Объявление было маленькое, на последней полосе, среди других реклам.

В городском адресном справочнике за 1905 год студия Вольф значилась по тому же адресу: Хофгассе, 14. Но в справочнике за 1908 год её уже не было. Студия закрылась или переехала.

Маркус поискал дальше. В судебных записях за 1907 год он нашёл короткое дело: «Вольф, Август. Фотограф. Жалоба соседей на запах химикатов из помещения студии. Расследование не выявило нарушений. Дело закрыто». В метрической книге приходской церкви Святого Михаила он нашёл запись о смерти: «Вольф, Август Иосиф, 1879 года рождения, холост,

фотограф. Умер 14 апреля 1907 года. Причина: чахотка. Похоронен на городском кладбище Линдхайма».

Август Вольф. Фотограф. Родился в 1879 году, умер в 1907 году, в двадцать восемь лет. Чахотка. Туберкулёз. Распространённая болезнь того времени, особенно в сыром климате, в тесных помещениях, среди людей, которые работали с химикатами. Фотографы часто болели туберкулёзом: серебро, ртуть, кислоты, плохая вентиляция. Всё логично. Всё объяснимо.

Но Маркус не мог перестать думать о пластинках. О людях, которые исчезали. О тетради, в которой Вольф писал, что боится. Что камера забирает у людей что-то. Что он не хочет больше фотографировать.

Маркус решил найти дом на Хофгассе, 14. Он вышел в субботу утром, прошёл через старый город к Хофгассе. Улица была узкая, мощёная, с невысокими домами в два-три этажа, фасадами из серого камня. Номер 14 был угловой дом, с тёмным фасадом и закрытыми ставнями. Внизу, на первом этаже, была пекарня, которая, судя по вывеске, закрылась несколько лет назад. Окна были заклеены бумагой. Дверь была заперта.

Маркус постоял перед домом. Фасад был обычный, ничем не примечательный. Но Маркусу показалось, что стена дома чуть темнее, чем стены соседних домов. Не от грязи, не от тени, а от чего-то другого. Будто камень впитал в себя что-то тёмное, что осталось внутри.

Он обошёл дом с переулка. Задняя стена была глухая, без окон, покрытая плющом, который засох и почернел. У стены лежал мусор: пустые бутылки, картон, ветки. И ещё там была дверь. Металлическая, ржавая, вделанная в стену на уровне земли. Дверь в подвал.

Маркус не стал пытаться открыть её. Он постоял, посмотрел, и ушёл. Но по дороге домой он не мог перестать думать о том, что за этой дверью, в подвале дома на Хофгассе, 14, когда-то находилась тёмная комната Августа Вольфа. Место, где он проявлял свои пластинки. Место, где он видел, как люди исчезают.

Глава 4. Первые тени

В понедельник Маркус пришёл в архив раньше обычного. Здание было пустое, тёмное, холодное. Он включил свет в коридоре и пошёл в свой кабинет. Проходя мимо хранилища на первом этаже, он краем глаза заметил что-то в дверном проёме.

Он остановился. Посмотрел. В хранилище было темно, свет не горел. Но в темноте, у дальней стены, он увидел что-то. Не человек, не предмет. Тень. Тёмное пятно, чуть плотнее, чем окружающая темнота. Форма, похожая на силуэт человека, стоящего у стены.

Маркус включил свет в хранилище. Лампы загорелись одна за другой, заливая помещение белым светом. Стеллажи с коробками, папки, ящики. У дальней стены, где он видел тень, ничего не было. Только стена, серая, ровная, без ничего.

Он постоял минуту, потом выключил свет и пошёл дальше. Наверное, показалось. Утро было тёмное, свет в коридоре был тусклый, глаза играли шутки. Он не думал об этом больше.

В тот день он работал с пластинками. Он решил отсканировать их, создать цифровые копии, чтобы можно было изучать без риска повредить оригиналы. В архиве был сканер, старый, но рабочий. Маркус аккуратно укладывал пластинки на стекло сканера и делал копии. Пластинки были в хорошем состоянии, эмульсия не осыпалась, изображение было чёткое.

Когда он сканировал последнюю пластинку из серии Хофмана, ту, пустую, на которой была только стена, он заметил что-то, чего не видел на негативе. На цифровой копии, на экране компьютера, в правом нижнем углу пластинки, было слабое тёмное пятно. Его не было видно на негативе, потому что оно было слишком бледное, но сканер с его чувствительностью уловил его. Пятно было похоже на отпечаток пальца. Но не на отпечаток, который оставил фотограф, а на отпечаток, который был внутри эмульсии. Будто кто-то держал пластинку с другой стороны, с той стороны, где не должно быть никого.

Маркус увеличил изображение. Пятно было не пальцем. Оно было скорее формой, контуром. Маленький, в углу, но отчётливый. Контур человеческой фигуры. Чуть темнее фона, чуть плотнее. Маленький силуэт, стоящий в углу фотографии, где никого не должно быть.

Он просмотрел остальные сканы. На каждой пустой пластинке, последней в каждой серии, был такой же силуэт. Маленький, в углу, едва различимый. Всегда в правом нижнем. Всегда один и тот же размер, одна и та же форма.

Маркус откинулся на стуле. Он снял очки и потёр глаза. Голова болела. Он работал с утра до вечера, не выходя, не обедая. Глаза были усталые, и он понимал, что усталость может исказить восприятие. Но силуэты были на сканах. Он мог увидеть их снова, открыть файл, увеличить, и они были там.

Он сохранил файлы, выключил сканер и вышел из кабинета. В коридоре было тихо. Архив уже закрывался, сотрудники уходили. Маркус прошёл по коридору к выходу, и снова, проходя мимо хранилища, увидел тень в дверном проёме. На этот раз он остановился и посмотрел внимательно.

Тень была. Она стояла у дальней стены, как и утром. Тёмная, плотная, в форме человека. Не двигалась. Не делала ничего. Просто стояла.

Маркус включил свет. Тень исчезла. Стена была пустая.

Он выключил свет. Тень не вернулась. Он подождал минуту, две. Ничего.

Маркус вышел из архива. Был вечер, тёмный, холодный. Небо было чёрное, без звёзд. Лес на холме был чёрный, как стена. Маркус шёл по тропинке вниз, к городу, и чувствовал, как спина напряжена, будто кто-то смотрел ему в затылок. Он не оборачивался. Не потому что не хотел, а потому что знал: если обернётся, ничего не увидит. Тень была не снаружи. Тень была внутри.

Глава 5. Тетрадь

Вечером, в квартире на Кройцгассе, Маркус сел за стол и открыл тетрадь Вольфа. Он читал её уже третий раз, и каждый раз находил что-то, чего не замечал раньше.

Первые записи были деловые, сухие. Даты, имена клиентов, технические заметки: выдержка, освещение, тип пластинок, химия. Обычный дневник фотографа, который ведёт учёт своей работы. Но после записей о Хофмане тон менялся.

«5 апреля 1903. Я не делал фотографий с тех пор, как умер Хофман. Я не могу. Каждый раз, когда я смотрю в объектив, я вижу его лицо. Не на пластинке, а в воздухе перед камерой. Его лицо, которое бледнеет, истончается, становится прозрачным. Я знаю, что это невозможно. Камера не может забрать у человека жизнь. Но я видел, что видел. Пять пластинок, и его не стало».

«12 апреля. Пришла фрау Беккер. Она хочет портрет. Я не могу отказать, мне нужны деньги. Я сделал одну пластинку. Она ушла довольная. Я проявил пластинку вечером. Она темнее, чем должна быть. Не сильно, но заметно. Я боюсь».

«19 апреля. Вторая пластинка с фрау Беккер. Она пришла бледной. Сказала, что плохо себя чувствует. На пластинке она темнее, чем на первой. Тот же процесс, что с Хофманом. Я не понимаю, что происходит. Я делаю всё правильно: свет, выдержка, химия. Но результат один и тот же. Люди темнеют на пластинках и бледнеют в жизни».

«26 апреля. Третья пластинка. Фрау Беккер почти не видна. Я вижу только силуэт. Она пришла сегодня с мужем. Он поддерживал её под руку. Она еле стояла. Врач не знает, что с ней. Та же болезнь, что у Хофмана: слабость, бледность, потеря веса. Без причины. Без диагноза».

«3 мая. Фрау Беккер умерла. Четыре пластинки. Четыре недели. Мне двадцать четыре года, и я чувствую себя убийцей. Я не убивал её. Камера не может убить. Но я знаю, что между

пластинками и её смертью есть связь. Я не могу это доказать. Я не могу это объяснить. Но я знаю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.